ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

CC BY 4.0

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-6-18
УДК 339.97(045)
JEL F01, F02, F51, F63

Адаптация мировой экономики к процессу ее деглобализации

О.С. Сухарев
Институт экономики РАН, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — процесс современного мирового развития, характеризующийся повышением готовности государств к вступлению в конфликты и уменьшением их взаимозависимости и интеграции**.** *Цель работы* — установление особенностей сложившихся процессов глобализации и деглобализации, а также содержания эффекта «глобального эксцесса», под которым понимается острое столкновение интересов в области экономических отношений национального и международного характера. Методологию настоящего исследования составляют теория полюсов развития и адаптации управляемых систем; представления о глобализации и мировом кризисе современного капитализма; статистический анализ данных. Результатом исследования стало подтверждение тезиса о том, что глобализация происходила в режиме «глобального эксцесса», который способствовал увеличению противоречий между государствами и привел к деглобализации и формированию многополярной системы международных отношений. Однако центры экономической силы продолжают оказывать сопротивление вышеуказанному процессу. В статье приведены модели адаптации мировой экономической системы к деглобализации, предусматривающие преодоление «глобального эксцесса» на базе доктрины «согласованного развития», что выводит аналитическую канву рассуждений из стереотипной модели пересмотра международного порядка, обеспечить который не удавалось до возникновения новых современных тенденций деглобализации, сопровождающихся сменой мирового экономического лидера и появлением нескольких центров силы на мировой арене. *Сделан вывод* о необходимости поиска способов преодоления аналитического и мировоззренческого упадков, а затем финансового и экономического кризисов капитализма, без элиминирования которых управление процессом деглобализации будет проблематичным без приложения специальных усилий.

Ключевые слова: глобализация; деглобализация; «глобальный эксцесс»; санкции; экономический и финансовый кризисы; экономический рост

Для цитирования: **Сухарев О.С. Адаптация мировой экономики к процессу ее деглобализации. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(2):6-18. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-6-18**

ORIGINAL PAPER

Adaptation of the Global Economy to the Process of its Deglobalization

O.S. Sukharev
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the research is the process of modern world development, characterized by increased conflict and increased deglobalization. *The purpose of the work* is to establish the main characteristics of the current processes of globalization and deglobalization, as well as the content of the "global excess" effect. The methodology of this research consists of the theory of poles of development and adaptation of managed systems, ideas about globalization and the global crisis of modern capitalism, and statistical data analysis. The result of the study confirms the thesis that globalization took place in a "global excess" mode, which ensured an increase in contradictions that led to deglobalization and the formation of a multipolar system of international relations and global economic development. However, the centers of economic power are resisting the above process and will continue to do so. Models of adaptation of the global economic system to deglobalization are proposed, providing for overcoming the "global excess" based on the doctrine of

© Сухарев О.С., 2025

"coordinated development", which removes the analytical outline of reasoning from the stereotypical model of "revision of the international order", which was never achieved before the emergence of modern new trends in deglobalization, accompanied by a change in the world economic leader and the emergence of several leading states. *It is concluded* that it is necessary to find recipes for overcoming the analytical and ideological crisis, and then the financial and economic crises of capitalism, without eliminating which by a set of special efforts, adaptation and management of the deglobalization process will be problematic.

Keywords: globalization; deglobalization; "global excess"; sanctions; economic and financial crisis; economic growth

For citation: **Sukharev O.S. Adaptation of the global economy to the process of its deglobalization. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*.2025;18(2):6-18. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-6-18**

ВВЕДЕНИЕ

Будущее России видится сегодня в установлении нового технологического уклада, на который существенное влияние будет оказывать складывающийся мирохозяйственный порядок [1]. За два десятилетия в мире произошли фундаментальные изменения, сопровождаемые существенным возрастанием скоростей институциональных трансформаций, смещением центров экономической власти, демографическим переходом от традиционного типа воспроизводства населения — высокой рождаемости и высокой смертности — к уменьшению его соотношения, обеспечивающего беспрерывное возобновление населения и смену людских поколений. В указанный промежуток времени (начиная с 1970-х гг.) неоднократно ставились задачи по пересмотру международного порядка для выживания человеческой цивилизации, что нашло отражение в базовом докладе Комиссии ООН по планированию и развитию, касающемся пересмотра международного экономического порядка, который подготовлен под руководством Яна Тинбергена (*Jan Tindergen*) [2], а также в докладах Римскому клубу. Однако по существу ни одна цель не была достигнута выполнением программ по пересмотру международного порядка, которые носили поверхностный характер и касались:

- изменений в сфере валютного регулирования и налогообложения при сохранении влияния доллара на международной арене;
- принятия планов по финансированию (кредитованию) слаборазвитых стран с целью решения проблем голода, отсталости, экологии, реструктуризации задолженности;
- ввода в действие новых институтов (правил) проведения международной политики и функционирования финансовых организаций (МВФ, Всемирного банка, ЕБРР и др.), отражающих и закрепляющих влияние сложившегося мирового порядка, в центре которого находится англо-американская модель развития.

В результате вышеуказанного пересмотр международного налогового и таможенного порядков ограничился только выдвижением предложений о внесении изменений в схемы погашения долгов, распространением действия налога Тобина[1] на финансовые трансакции, принятием мер по разрешению экологических проблем (посредством углеродного налога и протоколов по ограничению выбросов[2]), а также созданием торговой организации, формирующей общие правила международной торговли и обмена, ввергая сложившуюся ситуацию в область институциональной конкуренции по стандартам.

Причем ни о каком согласованном развитии речи до сих пор не велось, хотя многие государства выступают за многополярный мир, чтобы глобальные решения не принимались в интересах крайне ограниченной части мирового населения по схеме «ядро-периферия».

В результате оказалось невозможным обеспечение многополярности мирового развития без применения доктрины «согласованного развития» (предполагающей соблюдение принципа единогласия, заложенного в основу работы Совета безопасности ООН), которая способствовала бы продвижению по пути достижения целей устойчивого развития.

В 1989–1990 гг. был оформлен «вашингтонский консенсус» (*Washington Consensus*), представлявший собой набор мер экономической политики, рекомендованных международными финансовыми институтами, расположенными в Вашингтоне (МВФ, Группой Всемирного банка), и американскими аналитическими центрами для достижения макроэкономической стабилизации и создания

[1] Налог Тобина (Tobin tax) — налог на спот-операции с иностранной валютой, предложенный Дж. Тобином в 1978 г. как средство для контроля за миграцией капитала.

[2] В 1987 г. введено понятие устойчивого развития как процесса удовлетворения потребностей ныне живущих людей без угрозы для будущего человечества. В 2012–2015 гг. были обозначены 17 целей устойчивого развития [3, с. 316–318].

условий для экономического роста при переходе от регулируемой экономики к экономике свободного рынка, ориентированных на поддержку слаборазвитых стран посредством снижения дефицита бюджета; развития здравоохранения, образования и рыночной инфраструктуры; снижения уровня налогообложения; либерализации финансовых рынков; свободной конвертации (колебаний) курса национальной валюты; либерализации внешней торговли и снижения ограничений для прямых иностранных инвестиций; приватизации и защиты прав собственности; дерегулирования экономики и либерализации цен. В результате разрушения Восточного блока (*Communist Block*), альтернативного капиталистическим отношениям, на базе «вашингтонского консенсуса» были созданы модель нового колониализма и компрадорские схемы эксплуатации в пользу «золотого миллиарда» как раз в рамках модели «ядро-периферия», подразумевающей зависимость периферии от ядра — западного мира. Тем самым формировалось однополярное устройство мировой системы[3].

В то же время государства Юго-Восточной Азии во второй половине и на исходе XX в. продемонстрировали конвергентный рост, быстро сокращающий их разрыв в отсталости от высокоразвитых стран [3].

Эпоха глобальной дивергенции, существовавшая до середины XX в., сменилась в его второй половине и к началу XXI в. эпохой глобальной конвергенции, подразумевающей сближение уровней развития стран (регионов), когда за четверть века в период 1990–2015 гг. сократилась в два с лишним раза крайняя бедность [3] при уменьшении общей высокой бедности как относительного явления, и произошел большой рост социального неравенства, обусловливающего возникновение очень опасных негативных экологических сдвигов антропогенной природы.

СУЩНОСТЬ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И «ГЛОБАЛЬНОГО ЭКСЦЕССА»

В 1990-е гг. в результате разрушения советской системы хозяйствования усилилось влияние на мировое развитие ведущих капиталистических государств, что привело к укреплению доктрины «золотого миллиарда», согласно которой ресурсов на Земле становится меньше и на всех жителей планеты их скоро будет недостаточно и будет хватать только на «золотой миллиард» — население западных стран, которое будет стремиться использовать природные ресурсы в первую очередь для себя посредством применения различных методов, заключающихся в экономическом доминировании над слаборазвитыми государствами, что и продлило действие «долларовой дипломатии»[4]. Тем самым глобализация приобрела четкий управляющий вектор развития в качестве социокультурного и экономического явления интеграции[5] различных национальных систем на базе расширения обмена продуктами, знаниями, технологиями, культурными ценностями и информацией. При этом процессу глобализации[6] способствовали тех-

[3] С приходом к власти Д. Трампа в январе 2025 г. актуализировалось применение механизма глобализации во главе с США на базе консервативных ценностей, что может привести к торможению ранее наметившихся процессов деглобализации.

[4] Долларовая дипломатия, или доктрина «Тафта — Нокса», в которой доллары играют роль «пуль», позволяющих ввергать в политико-экономическую зависимость слаборазвитые страны, получающие помощь от развитых государств. «Долларовая дипломатия», применяемая при возникновении тенденций к независимости и отказу от доллара, обычно заменяется дипломатией «штыка», в связи с чем нами предлагается называть эту доктрину «дипломатией доллара и штыка». Иными словами, если доллар теряет силу, наступает время применения «штыков» для воспрепятствования понижению силы доллара. Оккупация Ирака, Афганистана, бомбежки Ливии, агрессия в Сирии и Югославии, санкции против Ирана, России, КНДР свидетельствуют о том, что данная доктрина, датируемая 1909–1911 гг., не только определяла внешнеполитический курс США на протяжении более чем столетия, но и позволила этой стране добиваться своих интересов посредством эксплуатации иных народов. См.: Дипломатический словарь. Том II. М.: Политическая литература; 1950:252, 804 с.

[5] Эта интеграция, как утверждается во многих работах [3–9], должна приводить к унификации. Как раз против последнего выступают многие страны, порождая имманентный процесс сопротивления глобализму, который в настоящее время называется деглобализацией. Ранее процессу глобализации в научных и публицистических работах противопоставлялся процесс регионализации мировой экономики, который также вел к многополярному устройству международных отношений, без явно выраженного ядра и периферии.

[6] Термин «глобализация» имеет множество трактовок в научной литературе. В настоящей статье не ставится цель выяснения, какое определение наиболее верное. Чтобы это понять, необходима отдельная работа и главное — критерий либо набор показателей, которые могли бы четко отграничивать процесс глобализации от иных событий. Вместе с тем когда говорят о деглобализации, то подразумевают противоположный глобализации процесс, т. е. торможение интеграции по различным направлениям, а также унификации. Однако, видимо, следует признать, что процесс деглобализации происходит вне схемы «ядро-периферия», когда отдельные национальные государства, имеющие собственные интересы, не подчиняются группе

нологический рывок и очень быстрое расширение электронных коммуникаций.

В модели «ядро-периферия» (*core-periphery model*) ядром процесса глобализации являются развитые западные страны, которые создают правила регулирования процесса глобализации, подчиняя своей воле все остальные государства в виде периферии. Однако таким образом организованный процесс, имеющий сильнейшую субъективную компоненту (отнюдь не некие объективные свойства), не мог не вызывать сопротивления в разнородной мировой капиталистической системе. Тем более что ряд стран, выбравших независимую траекторию развития (Китай, Индия, Куба, Вьетнам), явно не подчинялись нормативно установленной схеме «ядро-периферия».

Таким образом, деглобализацию можно определить как противоположное глобализации направление развития (антиглобализм[7]) без следования модели «ядро-периферия», а также унификации с интеграцией на взаимовыгодной основе. Иными словами, этот процесс не отрицает взаимозависимости и интеграции по каким-то направлениям, но исключает вмешательство в национальное развитие в ущерб собственным интересам, достижение которых не должно ущемлять развитие иных стран.

Однако остается маловероятной возможность мирового капитализма, обусловливающего возникновение жестко конкурентной среды и развязывание борьбы за свои интересы, обеспечивать свою траекторию развития и предусматривать нанесение поражения иным агентам и порождать различные эксплуатационные формы (генерируемые в том числе технологическим прогрессом), приводящие к относительной бедности и сильному социальному неравенству.

Несмотря на то, что мировые правила могут регулироваться так, чтобы исключать претворение в жизнь схемы «ядро-периферия», предполагая рассредоточение власти по мировым полюсам развития, конкурирующим в рамках согласованных и разделяемых всеми государствами процедур, предусматривающих охранение и реализацию принципа единогласия, предложения по реформированию ООН и Совета Безопасности с критикой «права вето» смотрятся порочными и подрывающими механизмы управления на мировом уровне.

Глобализация стала причиной возникновения тревожных тенденций [4], которым, как считают отдельные исследователи, можно было бы противопоставить аргументы в защиту глобализации [5]. Однако утверждения неоклассиков о возможном массовом процветании [6] благодаря низовым инновациям, которых, впрочем, недостаточно для отстающих в развитии стран, зависимых от научно-технических достижений передовиков, не смогли успокоить общественность по поводу будущей конвергенции разнородной мировой экономики, которая демонстрирует и высокие, и низкие скорости развития, порождая тем самым фундаментальные диспропорции [7].

Концепция «прогрессивного капитализма» Дж. Стиглица [8] из-за слепой веры в эффективность рынков и саморегулирование: чем больше богатеют владельцы корпораций, тем лучше всем, так как они неизбежно обратят свои сверхдоходы в инвестиции — является очередной поверхностной попыткой в преодолении «глобального эксцесса» [9], под которым понимается крайнее проявление каких-либо действий, невоздержанность, излишество, острое столкновение интересов с вытекающими нарушениями в области экономических отношений национального и международного характера после ликвидации баланса двух общественно-экономических систем в связи с устранением социалистической системы государств.

С одной стороны, возможности современной глобализации обусловлены, помимо применения новейших электронных технологий, связанностью финансовых и банковских систем, включая влияние международной валютной системы [10–12]; поведением финансового капитала и его умением создавать финансовые пузыри, провоцируя финансовые кризисы, которые в эпоху глобального эксцесса сразу же становятся мировыми [13]. Именно это обстоятельство побуждает ученых пересматривать классические схемы макроэкономической теории финансов [14–16], которые не приносили большой

высокоразвитых держав, контролирующих процессы интеграции и т.п., реализуя свое развитие по собственным планам. Однако при этом необходимо иметь в виду, что экономические связи и зависимости могут детерминировать процесс деглобализации, активно сопротивляясь ему. В общем-то, деглобализация предполагает суверенизацию экономики по финансам, технологиям, науке, образованию, производству, методам регулирования и проведения социально-экономической и денежной политики.

[7] Не будем в настоящей статье вдаваться в полемику по поводу разграничения понятий, которые по смыслу означают одно и то же — противоположные глобализации процессы. Термин же антиглобализм имеет политический контекст, так как характеризует выступления антиглобалистов против «атлантической глобализации».

пользы даже до ввода цифровой валюты, получающей все большее распространение и становящейся символом финансовой глобализации.

С другой стороны, именно «глобальный эксцесс» выступает предтечей процесса деглобализации. В то же время деглобализация вызывает отторжение, так же как это происходило в свое время с глобализацией, у стран, которых устраивает модель «ядро-периферия» в мировой экономике. Ее разрушение сегодня в силу возвышения Китая и стран Юго-Восточной Азии, усиления влияния БРИКС становится причиной возникновения новых центров развития и политических сил на мировой арене, порождая деглобализацию, противостоять которой из-за сложившегося уровня интеграции экономик стран весьма сложно и не нужно[8], так как это вызывает только свертывание экономического развития, причем в значительной степени у инициаторов и творцов модели «ядро-периферия» глобального типа. Данный вывод наглядно подтверждается результатами санкционной политики Запада в отношении России, Ирана, Китая и других стран.

ТЕОРИЯ АДАПТАЦИИ И «ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКСЦЕСС»

При постановке вопроса об адаптации мировой экономики к возникшему процессу ее деглобализации правомерно задаться вопросом: адаптирована ли она к процессу глобализации и особенно к возникшему после разрушения Восточного блока «глобальному эксцессу», выражающемуся в доминировании англосаксонского видения развития? Под «глобальным эксцессом» согласно авторским работам, опубликованным почти четверть века назад, понимается некое суммарное выражение процесса глобализации, которое наиболее рельефно обозначилось после разрушения советской системы и представляло собой политику доминирования и силовой адаптации к англосаксонским международным институтам. Тем самым увеличивалась готовность государств к вступлению в конфликты, т.е. агрессивно-оборонительный стиль поведения на уровне социально-экономического, финансового, информационного, политического, культурного, военного взаимодействий, которая более выгодна когорте высокоразвитых стран.

Непредсказуемое изменение мирового порядка, генерируемое политикой «глобального эксцесса», в силу возникающих различных тенденций развития приводит мировую систему к высокому напряжению в международных делах [9]. При этом возникают различные формы адаптации к новому мировому порядку.

В теоретическом плане важно определить, можно ли в принципе адаптироваться к процессу, участником и организатором которого выступаешь.

Инициация постоянных изменений по ходу разворачивающегося процесса автоматически обусловливает трансформацию вектора адаптации. Поэтому можно сделать вывод, что перманентные институциональные преобразования экономики, проводимые с некоторой изменяющейся скоростью, влияют на изменение благосостояния субъектов экономических отношений, исполнимость и применимость критериев оценки уровня благосостояния[9].

Если повышается их чувствительность к институциональным изменениям наряду с увеличением частоты (скорости) этих изменений, происходит торможение экономического роста. Данный результат проявляется как на национальном, так и мировом экономическом уровне. Рост населения и увеличение скорости наращения интеллектуального капитала оказывают позитивное влияние на экономический рост глобализирующейся системы обеспечения мирового порядка.

«Глобальный эксцесс», а также процесс деглобализации понижают влияние международных институтов и организаций «ядра» на процесс сотрудничества и «периферию».

Слово «адаптация» означает приспособление к условиям и обстоятельствам, воздействиям, которые претерпевают изменения. Однако тому, кто их генерирует, нет смысла к ним адаптироваться. Приспособление к новым условиям и обстоятельствам касается всех остальных, не причастных к организации данного процесса лиц, хотя их реакция формирует некую модель адаптации для «ядра», понуждая творцов данного процесса отвечать на реагирование «периферии». Следовательно, адаптация является перманентным процессом, зависящим от силы воздействия, прямых и обратных связей между ядром и периферией, когда международные

[8] Однако администрация Дональда Трампа предпринимает действия по возвращению глобального диктата США.

[9] Это было показано на модельных построениях в авторской работе «Управление экономикой. Введение в теорию кризисов и роста» (М.: Финансы и статистика; 2012.).

отношения выстроены де-факто по данной схеме независимо от того, как взаимодействие осуществляется де-юре.

Скоростное развитие современного мира означает некую сумму распространяемых лавинообразно воздействий и реакций, усложняющих возникающие модели адаптации, проектируя их различные формы. В частности, возможны «силовая адаптация», понуждающая приспосабливаться к каким-то действиям, решениям организаций, а также «компромиссная адаптация», когда для обеспечения приспособления к действиям и решениям нужен некий компромисс или должно выставляться торговое условие, при которых приспосабливающийся субъект хозяйственной деятельности получает некую выгоду за то, что будет следовать какому-то действию или решению. «Частичная адаптация» означает ситуацию, при которой допускается только некоторое (либо с оговорками) следование в фарватере принятых решений и действий. Наконец, если решения или действия отвергаются полностью, это свидетельствует о «конфронтационной» или «нулевой» адаптации. Самая продуктивная форма адаптации — это «согласованная адаптация», когда решение об изменении ситуации принято исходя из принципа единогласия (принципа согласованного развития, порядка). Издержки такой адаптации невысокие, хотя реализация принципа «согласованного развития» может потребовать времени на проведение переговоров и значимых издержек для ввода и поддержания работы этого принципа.

Таким образом, на международном уровне могут возникать пять базовых вариантов адаптации, что отражает *табл. 1*.

Степень общей адаптации (приспособления) системы характеризуется тем, насколько фактическое поведение субъекта хозяйственной деятельности близко к требуемому поведению (приспособлению),

Таблица 1 / Table 1

Базовые варианты адаптации на международном уровне/ Basic adaptation options at the international level

Виды адаптации / Types of adaptation	Содержание / Content	Недостатки / Limitations
Силовая / Power	Принуждение к следованию в фарватере подготовленных решений, принятие тех или иных действий или решений	Лишает альтернатив, самостоятельности выбора и осознания необходимости адаптации (отсутствие добровольной адаптации)
Компромиссная / Compromise	Для следования чему-то выставляется условие или происходит торговый обмен	Требует обсуждения условий и затрат на компромисс, в случае невозможности сразу переход к 4-му виду адаптации
Полная или частичная / Complete or Partial	Добровольное приспособление, полная (по всем), частичная — не по всем аспектам, а лишь по некоторым (например, заимствование отдельных институтов — правил (частичная), в частности Болонской системы для образования, либо всех — полная по собственной инициативе)	Снижает эффективность адаптации, модифицируя исполнимость отдельных процедур
Нулевая (конфронтационная) / Zero (confrontational)	Реакция в виде отторжения адаптации к чему-либо	Приводит к конфликту, заставляя реагировать на проводимую реакцию, не решает стоящих задач взаимодействия
Согласованная / Agreed	Разделяемая всеми участниками	Прерывание адаптации вследствие выхода из игры одного из участников

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

а достигнутый результат — целевому (назначенному) итогу. Тогда отношение фактического поведения (результата) к целевому (необходимому) итогу будет характеризовать степень адаптации.

Уровень адаптации, так же как ее издержки, характеризует степень развития системы, поскольку при низком уровне адаптации и высоких издержках (именно между этими величинами существует такая связь) способность развиваться при прочих равных условиях будет ниже по причине множественных дисфункций или системной дисфункции, показывающей низкий уровень и потенциал адаптации при высоких издержках (см. *рисунок*). С ростом издержек адаптации само приспособление может некоторое время возрастать.

В таком случае эти издержки вроде бы компенсируют увеличение уровня адаптации. Но с некоторой величины издержек, когда достигнута их наибольшая величина, уровень адаптации снижается. Дисфункция понижается с ростом приспособления к новым условиям, но при дальнейшем уменьшении уровня адаптации и росте издержек на адаптацию она возрастает до максимального значения *Dmax* (см. *рисунок*), соответствующего высокой величине издержек и низкой адаптации. Данный феномен объясняет многие девиации в международных делах, когда договоренности не исполняются, страны отказываются от своих обязательств, функция контроля не работает и т.д.

На *рисунке* условно показаны виды адаптации. Силовая и нулевая адаптации обусловлены большими издержками и наибольшей дисфункцией, как правило, при невысоком уровне адаптации.

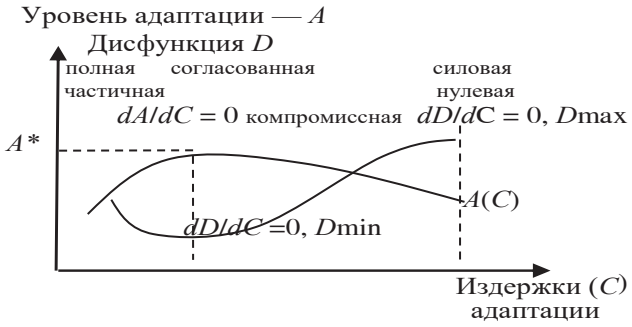

Рис. / Fig. **Уровень, издержки адаптации и дисфункция / Level, adaptation costs and dysfunction**

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

*Примечание / Note: A** на рисунке означает наивысшую величину адаптации / The *A** in the figure indicates the highest adaptation value.

Компромиссная адаптация (торговая) происходит при относительно более высоких издержках, но меньших, чем при силовой и нулевой адаптациях.

Согласованная адаптация соответствует наивысшему уровню адаптации при умеренных издержках.

Полная или частичная адаптации сопровождаются еще меньшими издержками, но и меньшим уровнем адаптации при более высокой дисфункции, нежели при согласованной адаптации.

Адаптация может быть представлена в виде трех основных моделей — модифицирующей, замещающей и инновационной. Они выступают своеобразными тремя элементами общего процесса адаптации. При этом может присутствовать одна модель, а могут все три.

Во-первых, модифицирующая адаптация сводится к такому приспособлению, при котором система изменяет свое поведение под установленные цели.

Во-вторых, замещающая адаптация обусловлена некими привнесениями в то, к чему следует приспособиться. Без этих изменений адаптация становится проблематичной.

В-третьих, инновационная адаптация предполагает генерацию новых комбинаций для осуществления процесса приспособления [17; 18].

Высокий уровень адаптации может достигаться при относительно более низких или высоких издержках. Задача сводится к тому, чтобы минимизировать издержки адаптации. При той же степени дисфункции должен обеспечиваться меньший расход ресурсов на адаптацию.

Отметим, что силовой и компромиссный (торговый) варианты адаптации характеризуют государства «ядра» в отношении стран «периферии», зависимых от них в экономическом и научно-техническом развитии. Отдельные государства сами выбирают полную или частичную адаптацию, касающуюся малых стран, вошедших в различные государственные альянсы или развивающихся в фарватере, заданном высокоразвитыми государствами.

Согласованная и в ряде случаев компромиссная адаптация возможна исключительно вне схемы развития мировых отношений по типу «ядро-периферия». Она также является вариантом полной либо частичной адаптации, но в этом случае сам объект приспособления выступает не в интересах какой-то группы стран, чтобы иные государства придерживались выгодной им траектории развития, а действует согласно правилу единогласия на базе

учета полезности траектории движения для всех взаимодействующих сторон.

Процесс деглобализации не имеет четких границ и даже идентифицируемой содержательной стороны. Сегодня можно только утверждать, что он сводится к борьбе против санкций и политики торговых и экономических войн, а также демонтажа схемы «ядро-периферия», предполагающей «дипломатию доллара и штыка», с обязательным сохранением базовых институтов ООН и соблюдением принципа единогласия — «согласованного развития», повышения его значимости и применимости в международных делах, а не его использования в качестве прикрытия фактического элиминирования этого принципа псевдопредложениями по реформированию Совета Безопасности ООН, включая близорукие в этой части, на наш взгляд, инициативы Дж. Сакса [3]. Эти усилия имеют не явную цель укрепления гегемонизма и «атлантической глобализации»[10]. Они деструктивны в отношении соблюдения принципа единогласия в рамках доктрины согласованного мирового развития и порядка, противостоящего доктрине «основанного на правилах порядка» западных стран.

Рассмотрим подробнее доктрину «согласованного порядка», отметив некоторые наиболее важные характеристики, составляющие имманентные черты современного процесса деглобализации.

ДОКТРИНА «СОГЛАСОВАННОЕ РАЗВИТИЕ (ПОРЯДКА)» И ДЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Изменения в мировом порядке всегда имеют институциональный характер. В настоящее время государства конкурируют за правила, стандарты, которым они должны подчиняться. Принятие правил и стандартов и подчинение им составляет формат режима адаптации и выстраивания мирового порядка. Тем самым институциональная конкуренция становится важным пунктом аналитической повестки дня. Тот, кто первый введет в действие некие правила, сгенерирует режим их принятия и исполнения другими агентами мировой экономики, будет, наверняка, ведущим в развитии, а другие агенты станут ведомыми, так как должны исполнять принятые правила и возникшие вместе с ними обязательства.

Институциональная конкуренция выражается в торговых войнах, принятии санкций, переговорах в рамках Всемирной торговой организации по поводу режима и правил торговли; создании и реформировании международных организаций (отсюда и предложения по реформе ООН)[11], отказе от их финансирования, выходе из них (политика Д. Трампа), вводе и распространении стандартов в области науки, образования, экологии, охраны окружающей среды (подписание деклараций и протоколов), стандартах в сфере государственного строительства оккупированных территорий[12] [19].

Импорт институтов (наборов формальных правил), которых страна по собственной инициативе считает лучшими, нежели отечественных аналогов, копируя и вводя их в ткань своих социально-экономических отношений, становится отражением победы, одержанной в институциональной конкуренции, поскольку страна самостоятельно принимает решения подчиниться внешним правилам.

Россия осуществляла в течение десятилетий такое поведение, по сути, проигрывая глобальную институциональную конкуренцию. Именно формирование международных институтов, приносящих одним государствам значительную ренту за счет ресурсов других государств, создает «экономику невинного обмана» [20], но ее главной основой остается капитализм как форма общественно-политического устройства и отношений. Об этом не модно сегодня вспоминать, но в научном смысле это не отменяет фундаментальных объяснений империалистической по существу глобализации, поскольку капитал размещает себя по миру, черпая там новые ресурсы для своего наращения.

Концентрация собственности, финансов и экономической власти возрастает, что является не только закономерным результатом капиталистического

[10] Под «атлантической глобализацией» понимается процесс глобальных изменений, руководимый англосаксонскими странами на экономическом, политико-дипломатическом, научно-техническом, финансовом, информационном, культурном и других уровнях.

[11] Реформа рассматривается как способ конкуренции, метод извлечения дополнительной выгоды для одних стран, обычно за счет других государств.

[12] Нобелевский лауреат по экономике Д. Майерсон на базе теории игр обосновывал необходимость и даже полезность демократических институтов в ходе установления стандартов интервенций (оккупации государств), на примере оккупированного Ирака [19]. Критический анализ его аргументов подробно дается в работе: Сухарев О.С. Мировой кризис: институциональные проблемы и реформы. Инвестиции в России. URL: http://www.osukharev.com/images/art/09–06–2020.pdf http://www.osukharev.com/images/art/10–06–2020.pdf.

развития, но и генератором глобальных процессов, способных разрушать национальные экономики, поскольку капитал перестает ограничиваться национальной территорией [21].

Таким образом, экономические закономерности развития формируют не только глобальные исходы, но и деглобализацию как явление, противоположное и в каком-то смысле противостоящее глобализации по схеме «ядро-периферия» государств.

С экономической точки зрения остается острой проблема исчерпания ресурсов, сокращения биоразнообразия и загрязнения экологии. Это вопрос номер один для выживания человеческой цивилизации. Причем именно эта тема активно используется в институциональной конкуренции государств, порождая конфликты.

Исчерпание невозобновляемых ресурсов ускоряется с ростом численности населения и тормозится применением безотходных технологий, а также созданием ресурсов-заменителей. Однако полностью остановить процесс исчерпания ресурсов невозможно. В связи с этим экономика движется к точке исчерпания базовых ресурсов, провоцируя повышение расходов на военные нужды.

Парадигма «экономического роста» должна быть подчинена доктрине «согласованного развития и порядка», поскольку требует выравнивания социальных и экологических диспропорций, а большая часть моделей и политики роста в странах не учитывает наличие данных перекосов, тогда как международные институциональные нормы оказывают в этом весьма слабое влияние.

Деиндустриализация экономики понизила уровень экологической нагрузки на ВВП. Финансовый сектор многократно превзошел иные виды деятельности, так что санкционная политика в отношении России была призвана нанести удар именно по нему с дальнейшим «эффектом домино» свертывания всей экономики. Однако стабилизирующие меры и выверенная отраслевая политика Правительства РФ нейтрализовали негативные исходы, допустив лишь незначительное понижение ВВП России в 2022 г.

Отметим, что именно парадигма «экономического роста» обусловила кардинальные изменения в мировом лидерстве и экономическом развитии к началу XXI в., когда вперед вырвались Китай и Индия и подтянулись такие страны, как Индонезия. Дж. Сакс называет это явление переходом от «глобальной дивергенции», когда увеличивался разрыв между передовыми и отсталыми странами (до 1950 г.) на пути к «глобальной конвергенции» (после 1950 г. и к началу XXI в.), пренебрегая постановкой вопроса о деглобализации [3].

Для характеристики дивергенции и конвергенции экономики используются только доходы, промышленное производство и военная мощь, базой глобальной индустриализации выступает энергетика (уголь, нефть, газ), а конвергнентного роста — образование, здравоохранение, инфраструктура [3, с. 267–271]. Однако конвергенцию Дж. Сакс рассматривает по параметру дохода, уровню образования и продолжительности жизни, т.е. компонентам, применяемым в расчете индекса человеческого развития. При этом разница в технологиях и военной мощи уже не принимается в расчет, что не вполне корректно с точки зрения сравнения периодов развития и оценки качества происходящих процессов расхождения и сближения государств. Эти методологические неточности нивелируют представление о глобальной конвергенции и напоминают подгонку под позитивный эффект глобализации, не принимая в расчет доводы М. Алле о разрушении роста и условий занятости со стороны глобальных процессов [21], сопровождаемых увеличением отрыва в развитии между богатыми и бедными странами.

Бедность, отставание в развитии — относительные понятия. При увеличении социального неравенства провоцируется возрастание относительной экономической бедности, так что вряд ли можно говорить о сокращении разрыва, не говоря уже о технологиях, науке и образовании.

Цифровая революция может только способствовать дивергенции, а не конвергенции, способствуя увеличению технологического неравенства с вытекающим функциональным и экономическим неравенством между странами и народами.

Причем расхождение (дивергенция) также признается Саксом глобализацией [3], так же как конвергенция — сближением, хотя это противоречит представлению о глобализации как интеграционном процессе взаимного проникновения (еще одна существенная неточность). Только оно происходило и происходит на базе политики, проводимой развитыми странами.

Деглобализация нарушает именно такую гегемонию и призвана изменить принципы интеграции и сотрудничества в сторону их согласованной

Таблица 2 / Table 2

Характеристика глобализации и деглобализации / Characteristics of globalization and deglobalization

Характеристика / Characteristic	Глобализация / Globalization	Деглобализация / Deglobalization
Цель / Target	Интеграция, централизация и унификация экономических систем, зон мира, интересов на базе «атлантизма»	Многополярность решений, диверсификация интеграции как по экономическим формам, так и по идеологии, политике проведения
Функциональное содержание / Functional content	Неоклассические, неолиберальные модели развития в экономике, мондиализм и атлантизм в политике и дипломатии для закрепления глобального успеха и организации новых форм институциональной и технологической колонизации под риторической вывеской демократии. Выживание для «золотого миллиарда» и приоритет его интересов над всеми остальными нациями и народами	Эволюционные и этатистские модели в управлении экономикой, «общество знаний», без подчинения капиталу, идеология компромисса и «согласованного порядка» в политике и дипломатии, вместо дипломатии «доллара и штыка». Реализация функции взаимных интересов, экологии и выживания человечества
Область приложения / Application area	Наиболее развитые регионы мира, «ядро-периферия»	Различные полюса мировой системы, объединенные идеей согласованного порядка и адаптации к нему, без модели «ядро-периферия»
Время процесса / Process time	Вторая половина XX в. и первая четверть XXI в.	Вторая четверть XXI в. и далее до выстраивания нового мирового порядка
Издержки / Costs	Экологический коллапс развития, войны, конфликты, включая экономические и торговые войны, культурная и нравственная деградация, утрата невозобновляемых и части возобновляемых ресурсов	Социализация и экологизация хозяйственного развития с выстраиванием новой системы отношений, требующей значительных вложений, утрата невозобновляемых ресурсов, издержки сопротивления богатым странам
Устойчивость / Sustainability	Низкая, в силу «глобального эксцесса»	Относительно высокая в силу реализации доктрины «согласованного развития» и порядка

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

адаптации на международной арене и внутри государств, трансформируя имперский капитализм в социальное общество, основанное на знаниях, с устранением новых институциональных, интеллектуальных и цифровых (технологических) форм колонизации народов. Различия между глобализацией и деглобализацией отражает *табл. 2* по набору наиболее важных характеристик. Из нее следует, что «глобальный эксцесс» может быть нейтрализован «согласованным развитием и порядком», что создаст подлинную устойчивость развития и позволит достигать целей устойчивого развития, принятых Комиссией ООН.

Однако современный «глобальный эксцесс» не может быть сразу и быстро устранен политикой деглобализации, поскольку он базируется на следующих положениях.

Во-первых, имеется серьезный отрыв наиболее богатых стран по технологическому лидерству от бедных стран. Новые технологии создают и новые формы конкуренции и противоборства государств, так же как и зависимости.

Во-вторых, происходит доминирование финансового сектора, контролируемого богатыми странами, над мировой системой, что предопределяет направления мировых финансовых потоков и инвестиций, задает монетарные диапазоны развития иных государств, народов и даже целых континентов.

В-третьих, осуществляются изменения в численности населения, климате, технологиях, ресурсах, загрязнениях, политике, детерминируя процесс глобализации и деглобализации.

В-четвертых, региональные войны стали суммарным выражением скрыто тлеющей мировой войны, символизируя апогей политики «глобального эксцесса».

В-пятых, нерешенность проблемы ограниченности ресурсов, а также возникающие идеолого-культурные и психологические сдвиги довлеют при принятии государственных решений на национальном уровне и затрудняют согласование наднациональных решений.

Указанные аспекты будут оказывать сопротивление процессу деглобализации и реализации принципа «согласованного развития».

ВЫВОДЫ

Процесс деглобализации выражается на начальном этапе в форме политики «глобального эксцесса», а в дальнейшем может быть оформлен в виде распространения «согласованного порядка и развития» как базового принципа, формирующего согласованную адаптацию и обусловливающего невысокие издержки международных отношений, понижение уровня конфликтности между странами.

«Согласованному развитию и порядку» в большей степени отвечают идеи «социализации развития», «этатизации»[13] национального и международного управления, пересмотра деградирующих капиталистических институтов, реализации вместо неоклассической экономической политики обогащения узких буржуазных кругов при колоссальном росте социального неравенства и экологических проблем, градуалистских и этатистских моделей управления развитием.

Таким образом, нужно принимать во внимание отрицательные особенности или ограничения любого процесса, тем более имеющего мировое значение. Даже если эти особенности на сегодня могут показаться не столь значимыми, их сила по разным причинам может возрасти, причем внезапно. Вспомним блестящее исследование М. Алле, показавшего с помощью разветвленного регрессионного аппарата тормозящее влияние глобализации на экономический рост и занятость во Франции еще в 1990-е гг., когда Запад благоденствовал на обломках разрушенной советской системы. В эпиграфе к своей книге М. Алле отмечал, что она посвящается «жертвам идеологии глобалистского фритредерства (свободной торговли), идеологии столь же пагубной, сколь и ошибочной…» [21]. Политика «глобального эксцесса», выступающая квинтэссенцией поведения современного империализма в эпоху глобализации и новых форм технологического и институционального колониализма (в рамках победы по различным институциональным формам конкуренции), порождает большие дисбалансы в развитии. Однако на такие же исходы может быть способна и деглобализация как процесс — антагонист глобализации.

Адаптация к мировым изменениям может быть только согласованной, как и новый мировой порядок, и выстроенной исключительно на принципах, которые были заложены в работу ООН при ее создании в виде правила единогласия при решении вопросов войны и мира.

[13] Расширения государственных функций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Глазьев С. Ю. Рывок в будущее. Россия в новом технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир; 2018. 768 с.
2. Тинберген Я. Пересмотр международного порядка. М.: Прогресс; 1971.
3. Сакс Дж. Эпохи глобализации: география, технологии и институты. М.: Издательство института Гайдара; 2022. 368 с.
4. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль; 2003. 300 с.
5. Бхагвати Дж. В защиту глобализации. М.: Ладомир; 2005; 448 с.
6. Фелпс Э. Массовое процветание: Как низовые инновации стали источником рабочих мест, новых возможностей и изменений. М.: Издательство института Гайдара; 2015. 472 с.
7. Спенс М. Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М. Издательство института Гайдара; 2013. 336 с.

8. Стиглиц Дж. Люди, власть и прибыль. Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. М.: Альпина — Паблишер; 2020. 430 с.
9. Сухарев О.С. Экономика глобального эксцесса: институты, финансы, развитие, политика. М.: Ленанд; 2016. 512 с.
10. Nasreen S., Mahalik M.K., Shahbaz M., Abbas Q. How do financial globalization, institutions and economic growth impact financial sector development in European countries? *Research in International Business and Finance*. 2020;54:101247.
11. Song C.-Q., Chang C.-P., Gong Q. Economic growth, corruption, and financial development: Global evidence. *Economic Modelling*. 2021;94:822–830.
12. Ghosh A. How does banking sector globalization affect economic growth? *International Review of Economics & Finance*. 2017;48:83–97.
13. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Дело; 2011. 232 с.
14. Киндлбергер Ч., Алибер Р. Мировые финансовые кризисы. Мании, паники и крахи. СПб.: Питер; 2010. 544 с.
15. Аттали Ж. Мировой экономический кризис… А что дальше? СПб.: Питер; 2009. 176 с.
16. Купер Дж. Природа финансовых кризисов. Центральные банки, кредитные пузыри и заблуждения эффективного рынка. М.: BestBisinessBooks; 2010. 210 с.
17. Сухарев О.С. Макроэкономическая политика: неравенство, бедность и рост. М.: Ленанд; 2023. 240 с.
18. Сухарев О.С. Теория реструктуризации экономики. М: Ленанд; 2016. 256 с.
19. Myerson R. Standards for State Building Intervention. Economics for the curious. What Nobel laureates think about. M.: Publishing house of the Gaidar Institute; 2017:222–241.
20. Гэлбрейт ДЖ. К. Экономика невинного обмана. Правда нашего времени. М.: Издательство «Европа»; 2009. 88 с.
21. Алле М. Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста. Эмпирическая очевидность. М.: Теис; 2003. 314 с.

REFERENCES

1. Glazyev S. Yu. Leap into the future. Russia in the new technological and world economic order. Moscow: Book World; 2018. 768 p. (In Russ.).
2. Tinbergen J. Revision of the international order. Moscow: Progress; 1971. (In Russ.).
3. Sachs J. Epochs of globalization: Geography, technology and institutions. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; 2022. 368 p. (In Russ.).
4. Stiglitz J. Globalization: alarming trends. Moscow: Mysl; 2003. 300 p. (In Russ.).
5. Bhagwati J. In defense of globalization. Moscow: Ladomir; 2005. 448 p. (In Russ.).
6. Phelps E. Massive prosperity: How grassroots innovation became a source of jobs, new opportunities, and change. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; 2015. 472 p. (In Russ.).
7. Spence M. The next convergence: The future of economic growth in a world living at different speeds. Moscow. Gaidar Institute Publishing House; 2013. 336 p. (In Russ.).
8. Stiglitz J. People, power and profit. Progressive capitalism in an era of mass discontent. Moscow: Alpina — Publisher; 2020. 430 p. (In Russ.).
9. Sukharev O.S. The economics of global excess: Institutions, finance, development, politics. Moscow: Lenand; 2016. 512 p. (In Russ.).
10. Nasreen S., Mahalik M.K., Shahbaz M., Abbas Q. How to do financial globalization, institutions and economic growth impact financial sector development in European countries? *Research in International Business and Finance*. 2020;54:101247.
11. Song C.-Q., Chang C.-P., Gong Q. Economic growth, corruption, and financial development: Global evidence. *Economic Modelling*. 2021;94:822–830.
12. Ghosh A. How does banking sector globalization affect economic growth? *International Review of Economics & Finance*. 2017;48:83–97.

13. Perez K. Technological revolutions and financial capital. Dynamics of bubbles and periods of prosperity. Moscow: Business; 2011. 232 p. (In Russ.).
14. Kindleberger Ch., Aliber R. World financial crises. Manias, panics and crashes. St, Petersburg: Peter; 2010. 544 p. (In Russ.).
15. Attali J. World economic crisis… What next? St. Petersburg: Peter; 2009. 176 p. (In Russ.).
16. Cooper J. The nature of financial crises. Central banks, credit bubbles, and efficient market fallacies. Moscow: BestBusinessBooks; 2010. 210 p. (In Russ.).
17. Sukharev O.S. Macroeconomic policy: Inequality, poverty and growth. Moscow: Lenand; 2023. 240 p. (In Russ.).
18. Sukharev O.S. The theory of economic restructuring. Moscow: Lenand; 2016. 256 p. (In Russ.).
19. Myerson R. Standards for state building intervention. economics for the curious. What Nobel laureates think about. Moscow: Publishing house of the Gaidar Institute; 2017:222–241. (In Russ.).
20. Galbraith J.K. Economics of innocent deception. The truth of our time. Moscow: Publishing house "Europe"; 2009. 88 p. (In Russ.).
21. Allais M. Globalization: Destruction of employment conditions and economic growth. Empirical evidence. Moscow: Teis; 2003. 314 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Олег Сергеевич Сухарев — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН, Москва, Россия
Oleg S. Sukharev — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
http://orcid.org/0000-0002-3436-7703
o_sukharev@list.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.01.2025; принята к публикации 25.03.2025.
The article was received 12.01.2025; accepted for publication 25.03.2025.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author read and approved the final version of the manuscript.